

На следующий день У Цюнянь пришла с самого утра — она заботилась о торговле даже больше, чем Цин Янь и тетушка Ли.

Вчера они купили маленькие белые фарфоровые бутылочки для фасовки ароматного крема. У Цюнянь и тетя Ли занимались переливанием крема в бутылочки, а Цин Янь каллиграфически писал этикетки на красной с золотыми вкраплениями бумаге. Затем он аккуратно наклеивал этикетки на каждую бутылочку.

Этикетки были совсем небольшими, писать на них было нелегко, к тому же их нужно было вырезать одинаковой формы.

Тетя Ли, умевшая читать несколько иероглифов, взяла одну из готовых бутылочек и прочитала:

— «Си Чжэнь Сюэ Хуа...».

Последний иероглиф оказался для нее сложным, и Цин Янь подсказал:

— Это «Си Чжэнь Сюэ Хуа Гао» (ароматный крем Си Чжэнь «Снежинка»).

У Цюнянь тоже посмотрела на бутылочку и с улыбкой спросила:

— Выглядит красиво. Я знаю, что «Си Чжэнь» — это имя тетушки Ли. А почему «Снежинка»?

Цин Янь открыл бутылочку и ответил:

— Я пересмотрел весь ароматный крем, что продается в городе. У них цвет либо темный, либо желтоватый. А наш, по сравнению с ними, белоснежный, словно снежинки.

Тетя Ли все же сомневалась:

— Этикетки красивые, но столько труда на них уходит. Разве это того стоит?

Цин Янь покачал головой:

— Стоит, даже если это трудоемко. У нас нет магазина. Если кто-то купит крем, он может не вспомнить, где его покупал, когда захочет снова. А с этой этикеткой люди узнают наш крем сразу, даже если не вспомнят нас. А если в будущем продаж станет больше, мы можем заказать у владельца книжной лавки напечатать этикетки массово.

Тетя Ли, привыкшая к простым делам и не мечтавшая о большом заработке, только хотела немного подзаработать на рынке. Однако видение Цин Яня о будущем ее вдохновило.

Три человека трудились весь день, разлили весь крем по бутылочкам и наклеили все этикетки.

После того как тетя Ли и У Цюнянь ушли, Цин Янь принялся за свои дела. Он достал домашние плотницкие инструменты, разложил купленные вчера деревянные заготовки и краски, а также подготовил чертежи. Взяв один из деревянных брусков, он начал тщательно обрабатывать его, следуя рисункам.

Когда занят делом, время летит незаметно. К Фестивалю фонарей, пятнадцатому дню первого месяца, Цин Янь полностью поправился.

Рано утром Цю Хэнянь сварил юаньсяо*, и они с Цин Янем съели по небольшой чашке. Однако одними юаньсяо сыт не будешь, да и может начаться изжога. Поэтому Цин Янь нарезал колбасу, обжарил ломтики маньтоу в яйце и сделал из них бутерброды. Все это они съели вместе с бульоном, в котором варились юаньсяо. Еда получилась на удивление вкусной.

(ПП: вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой)

После завтрака и уборки пришли сначала У Цюнянь и тетя Ли, каждая со своими вещами. Следом подтянулись Ван Санъяо с сыном Няньшэном.

Ван Санъяо в юности какое-то время обучался боевым искусствам у странствующего даосского монаха. Обладая крепким телосложением, он теперь служил охранником в одном богатом доме в городе. Обычно он жил там, но на этот Новый год семья хозяев уехала в уезд навестить родственников и еще не вернулась. Богач оказался прижимист и, чтобы не платить зарплату зря, отправил Ван Санъяо домой на это время. Услышав от У Цюнянь, что они собираются торговать на улице, он с энтузиазмом взял с собой сына и присоединился к ним.

Вся компания, шумно переговариваясь, загрузила вещи на тележку и отправилась в путь. К тому времени, как они добрались до города, было уже не рано: обе стороны главной улицы были заполнены лавочниками.

Мест для торговли никто специально не распределял: кто раньше пришел, того и лучшее место. Центр улицы уже заняли крупные лавки, у которых было много работников. Похоже, те начали занимать места с вечера, дежуря по очереди. Ближе к середине улицы разместились корабейники и уличные торговцы, которые зарабатывают этим круглый год. Многие из них были уже знакомы. А на окраинах улицы обосновались такие, как Цин Янь и его спутники, — обычные люди, которые редко занимаются торговлей.

Цин Янь не стал долго выбирать место, быстро огляделся и нашел подходящее. Посоветовавшись с остальными, он утвердил выбор. Никто не возражал, и они принялись за работу.

Цю Хэнянь установил заранее подготовленные деревянные подставки, Ван Санъяо с сыном осторожно развесили сделанные Цин Янем фонари. Тетя Ли и У Цюнянь разложили ткань на

земле и аккуратно выставили товары.

Цин Янь тем временем достал из тележки деревянную вывеску и поставил ее перед прилавком. Еще до того, как они официально открылись, прохожие уже начинали с интересом поглядывать на эту вывеску.

Рядом с их прилавком разместился лавочник, опоздавший на ярмарку. Он раздраженно перебирал свои товары, периодически ворча себе под нос:

- Не стоило вчера увлекаться выпивкой, вот и пропустил время!

Когда новые соседи начали обустраивать свой прилавок, лавочник особо не обратил на них внимания. По их виду – семейная компания с детьми – было ясно, что этим они занимаются редко. Такие люди, как он заметил, обычно долго не задерживаются: продадут пару вещей, заскучают и уйдут.

Однако его внимание привлекла деревянная табличка, которую соседи поставили перед своим прилавком. Прохожие то и дело задерживали на ней взгляд. Лавочник, закончив с товарами, не выдержал, встал, потянулся, будто размять спину, и украдкой взглянул на табличку.

На ней крупными буквами было написано: «Хозяина нет дома, помощник устроил распродажу!» Под этой строкой было несколько строк мелким шрифтом, например: «Прекрасный крем «Снежинка» – увлажняет кожу, сохраняет аромат надолго», «Изящные бусы «Чистота» – подчеркнут вашу красоту».

Лавочник фыркнул, пробормотав себе под нос:

- Показуха, а толку никакого.

Со стороны соседнего прилавка слышались голоса: кто-то раскладывал вещи, кто-то спорил о лучшем месте для товара, но, кажется, все слушались молодого симпатичного гера. Стоило ему принять решение, как все сразу соглашались.

Они долго возились, выкладывая товары, которых, к слову, было не так уж много. Когда, наконец, все разместили, лавочник притворно повернул голову, будто потягиваясь, и взглянул на их ассортимент. Вещи действительно были странно подобраны и совершенно не связаны между собой.

В центре прилавка стоял тот самый разрекламированный крем «Снежинка». С одной его стороны – деревянные волчки разных размеров, бусы и браслеты и... деревянная обувная ложка. Все покрыто лаком, что придавало вещам определенный лоск. Выглядело это, пожалуй, симпатично, но нелепо. Лавочник покачал головой и взглянул на другую сторону, где обнаружил вязаные детские шапочки, варежки и жилетки. Работа была добротной, но общий

вид прилавка оставлял желать лучшего.

После внимательного осмотра лавочник подвел итог:

- Нагромождение всего подряд, ни порядка, ни логики!

Потеряв интерес, он вернулся к своему прилавку. Его товары – утварь для дома и кухни – были разложены строго по категориям. Все выглядело упорядоченно и понятно, так что покупатель сразу знал, где искать нужную вещь. Вот что, по его мнению, и должно быть настоящим прилавком.

Тем временем соседи закончили раскладку и начали обсуждать, как бы перекусить. На улице все еще было пусто: в основном мимо ходили такие же торговцы, а покупатели пока не появлялись. Лавочник, скучая, стал прислушиваться к их разговору и довольно быстро понял, кто есть кто.

Молодого гера звали Цин Янь, он оказался супругом мужчины с покрытым шрамами лицом. Лавочник досадливо цокнул языком – гер был хорош собой, и судьба его, похоже, не жаловала.

Женщину с чуть смуглой кожей звали У Цюнянь. Она была связана с крупным мужчиной, который выглядел добродушным, и мальчиком, вероятно, их сыном. Пожилую женщину называли тетя Ли – ее внешность не была примечательной, хотя белоснежная кожа придавала ей особую изысканность. К тому же она показалась лавочнику смутно знакомой, но никак не удавалось вспомнить, где он мог ее видеть.

Поговорив, соседи отправили двух мужчин за едой. Через некоторое время те вернулись с внушительными свертками. В воздухе тут же разнесся аромат свежеприготовленных блюд, от которого лавочник непроизвольно облизнулся. Сам он еще не ел и завтракать придется прямо на улице. Работать одному – значит мириться с мелкими неудобствами вроде пропущенного обеда.

Однако запах еды от соседнего прилавка становился все более нестерпимым. Лавочник, сидя на корточках, сглотнул слюну и попытался размять затекшую ногу.

И тут прямо перед ним появилась жирная, блестящая от масла сладкая лепешка. Лавочник поднял глаза и увидел соседа – высокого крепкого мужчину, который протянул ему угощение. Тот улыбнулся широкой белозубой улыбкой и сказал:

— Брат, возьми лепешку, поешь.

Лавочник опешил:

— Зачем ты мне ее даешь? Я не голоден.

Мужчина ничего не ответил, лишь продолжал улыбаться. А вот его сын, который стоял рядом, громко сказал:

— Дяденька, если вы не хотите есть, зачем тогда все время на нас смотрите?

Лавочник моментально покраснел от смущения. Он быстро отмахнулся:

— Кто смотрел? Я просто мимоходом взглянул! Да и вообще, я не голоден.

Сахарную лепешку забрали, а лавочник, сердито пыхтя, снова сел на корточки. Только когда соседи доели свою еду, он наконец-то вздохнул с облегчением.

К обеду людей на улице становилось все больше, и время от времени кто-нибудь останавливался у какого-нибудь лотка, чтобы узнать цену на товар. Некоторые подходили и к лавочнику, расспрашивали о ценах, и он встречал каждого с радушием. Однако спрашивали много, а покупали мало.

Но лавочник не спешил расстраиваться. Все-таки его соседям по лавке даже вопросов почти никто не задавал. Как раз когда он расслабился, напевая песенку, соседний лоток ожил: там поднялся красивый гер и начал зазывать прохожих:

— Подходите, посмотрите! Лучший крем для лица «Снежинка»! Вся наша семья его использует, и все довольны!

После его громогласного призыва к лотку действительно подошла молодая девушка. Она с интересом рассматривала лицо Цин Яня, сверяла его с белолицей тетей Ли и даже с той смуглой женщиной, у которой, несмотря на цвет кожи, лицо было чистым и безупречным. Ее взгляд буквально светился завистью.

Гер кивнул, его вид был предельно искренним. Он даже вынул баночку крема, открыл ее и тут же на своей руке продемонстрировал, как средство действует. Девушка попробовала крем сама, но, помедлив и поразмыслив, все равно не решилась на покупку.

Однако юноша не терял самообладания:

— Не торопитесь, — сказал он спокойно. — Мой лоток будет стоять до самого вечера. Пройдитесь по другим местам, а если ничего лучше не найдете, возвращайтесь ко мне.

Лавочник, сидя в своем уголке, только закатил глаза. «Новичок в торговле! Отпускать клиента просто так — безумие. С таким количеством лотков на каждом углу забудь, что она вернется», — подумал он.

И действительно, девушка ушла. Но гер не унывал и продолжал свои зазывания, к которым вскоре присоединилась та самая смуглая женщина. Оба выкрикивали рекламу с воодушевлением.

Лавочник же оставался невозмутим. Его опытный взгляд говорил, что народ только начинает прибывать, а пик торговли придется на вечер, когда зажгут фонари. Сейчас нет смысла тратить силы, крича до изнеможения.

И точно, чуть позже к соседнему лотку подошли еще трое или четверо любопытных, одни расспрашивали о креме, другие вертели волчки, кто-то даже долго разглядывал обувной рожок. Но несмотря на все это, зазывания оказались напрасными: ни одной продажи.

Тетя Ли нахмурила брови и никак не могла найти удобного положения на своем стуле.

А посмотрите на того здоровенного мужика — вон, сидит вялый, вместе с ребенком зевает на всю улицу.

Только мужчина с лицом, наполовину покрытым шрамами, стоял за своим прилавком, выпрямившись, как сосна, его выдержанная, спокойная осанка притягивала взгляды.

Лавочник, скитаясь по югу и северу, редко встречал таких людей. Сначала он подумал, что красавчик гер, что был рядом, совсем не подходит этому суровому мужчине. Но, приглядевшись, решил, что они не так уж и несочетаемы.

Пока лавочник размышлял, через толпу в их сторону направлялась молодая девушка. Ее лицо казалось смутно знакомым. Лавочник прищурился, и вдруг вспомнил: это же та самая, что первой подошла расспросить о цене, но сказала, что еще походит по рынку!

Девушка обернулась и махнула рукой кому-то позади. К ней тут же присоединились три-четыре девушки примерно ее возраста, оживленно переговариваясь.

Лавочник сразу понял, что произошло. Его глаза широко распахнулись от изумления, пока он наблюдал, как группа женщин подходит к соседнему лотку. Одна из них спросила:

— Это тот самый крем, который ты только что намазала?

Затем она обратилась к молодому продавцу:

— А можно и мне попробовать?

Молодой гер улыбнулся, его глаза мягко искрились, и он выглядел просто очаровательно.

— Конечно! Хотите попробовать и вы? — обратился он к остальным.

Так, на глазах у лавочника, группа покупателей тут же раскупила три-четыре баночки крема «Снежинка». А затем, словно по волшебству, у соседнего лотка стало оживленно: туда начали подходить новые клиенты, большинство из которых сначала пробовали крем, уходили, но вскоре возвращались.

После покупки крема женщины заинтересовались деревянными изделиями и одеждой из хлопковых нитей. Цены были невысокими, а качество превосходным, так что многие предметы тоже были быстро раскуплены.

К вечеру, когда только начинали зажигаться праздничные фонари, у соседнего лотка не осталось ни одной баночки крема. Вязаные изделия были проданы до последней вещи, деревянные товары — почти все, кроме двух волчков и одного фонарика, которые молодой продавец специально отложил для ребенка.

В то время как лавочник едва успел продать одну лишь кухонную шумовку, соседи уже сворачивали свой лоток.

Несколько человек ловко сложили стойки и убрали ткань. Ребенок радостно воскликнул:

— Мы теперь можем пойти на Фестиваль фонарей?

Смуглая женщина погладила его по голове и с улыбкой ответила:

— Конечно, пойдём, мама купит тебе что-нибудь вкусное.

Вся семья, громко переговариваясь и смеясь, ушла в толпу. Лавочник смотрел на пустое место рядом с собой, испытывая целый вихрь чувств. Непонятное чувство поражения захлестнуло его, будто он участвовал в заранее обречённом на проигрыш состязании.

Компания провела вечер на Фестивале фонарей, гуляя до позднего времени. Все были довольны.

Глаза У Цюнянь сияли весь вечер. Она без устали повторяла, как интересно стоять за лотком. Тетя Ли тоже радовалась, улыбаясь краешком губ. Ребенок, утомившийся за день, уже уснул, завернутый в одеяло, и лежал в телеге. Тетя Ли сидела рядом, заботливо поправляя одеяло. Лампа, привязанная к дышлу, мерцала в такт шагам. Ван Саньяо, большой и сильный, катил тележку, широко улыбаясь так, что было видно все его зубы.

Цин Янь и Цю Хэнянь шли позади остальных.

— Устал? — спросил Цю Хэнянь, обернувшись к Цин Яню.

Цин Янь сначала покачал головой, а потом все же кивнул:

— Торговать на рынке несложно, но сейчас, когда мы идем, ноги уже гудят.

Однако, несмотря на усталость, он продолжал шагать, не позволяя себе расслабиться. В тележке уже лежал ребенок и сидела тетя Ли, а катил ее сам Ван Саньяо. Даже У Цюнянь шла пешком, так что Цин Яню было неловко просить помощи или место в тележке.

Но пока он размышлял, Цю Хэнянь вдруг сделал ему знак молчания. Прежде чем Цин Янь успел что-либо сказать или возразить, Цю Хэнянь ловко подхватил его на руки.

Цин Янь от неожиданности даже не успел вскрикнуть, и только, когда его ноги оторвались от земли, он понял, что происходит. Цю Хэнянь жестом велел ему не шуметь, и Цин Янь послушно притих.

Цин Янь уютно устроился в объятиях Цю Хэняня, осторожно следя за тем, чтобы остальные ничего не заметили. Смущение заставило его щеки покраснеть, но отказываться от неожиданной заботы он не стал. Более того, когда Цю Хэнянь чуть пригнулся, чтобы поправить свою позу, Цин Янь подумал, что тот хочет его спустить, и торопливо, почти шепотом, сказал:

— Нет! Цин Янь хочет, чтобы его держали!

Только когда Цю Хэнянь выпрямился, Цин Янь понял, что совершил ошибку.

Они прошли так еще немного, и вдруг Цин Янь почувствовал, как грудь мужчины слегка завибрировала. Следом он услышал приглушенный, низкий смех Цю Хэняня.